

Л30 $\frac{\Gamma-2}{377a}$ С. ЛЕОНОВ

ФРОНТОВЫЕ ЭПИЗОДЫ

ЛЕНИНГРАД

1941

С О В Е Т С К И Й
П И С А Т Е Л Ъ

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

Политрук Надиев дежурил по пищеблоку во втором эшелоне. Четыре кухни дымили, выстроившись в ряд, распространяя вокруг аппетитный запах жирных щей.

Недалеко был фронт. Там гремела артиллерийская канонада. А здесь ничто не нарушало лесной тишины. Среди редких деревьев горели замаскированные костры, и бойцы отведенной на отдых части, расположившись поудобней, беседовали друг с другом, писали домой письма.

Правда, ночью тишина и спокойствие частенько нарушались внезапной стрельбой. Стреляли по спящим бойцам, по проезжающим обозам — неизвестно кто и откуда. Но днем все эти мелкие происшествия забывались. Каждый старался хорошенько отдохнуть, набраться новых сил для очередных боев.

Вот и обед готов. К кухням организованно подходят бойцы. Знакомые обветренные лица, знакомые улыбки. Густой пар валит от наполненных котелков.

Вдруг около одной из кухонь мелькнуло в красноармейской очереди белобрысое чужое лицо. Таких политрук Надиев не видел здесь. Невысокий, нек, покашливая, что-то сказал повару и пошел за два котелка.

— Кому второй? — спросил Надиев, подходя вплотную.

— Командиру, — ответил паренек, быстро скользнув по дежурному взглядом, и, наполнив котелки, пошел в сторону.

— Стой!

— В чем дело?

— Кто твой командир? Как его фамилия?

— Не знаю... Я недавно в части.

Паренек держался просто. Говорил тягучим архангельским голоском, не запинаясь. Красноармейская шинель сидела на нем мешковато. За спиной торчала обыкновенная тульская винтовка.

Подозрения Надиева казались необоснованными. Однако он решил проверить.

— Хорошо, — сказал он новичку, — идем к твоему командиру.

Парень молча зашагал впереди Надиева по протоптанной в снегу тропинке.

Чем дальше от кухонь, тем лес становился гуще. Встречался кустарник, раскидистые ели и сосны закрывали густыми кронами холодное зимнее небо.

Тропинка исчезла. На снегу виднелись беспорядочные следы лыжников и пешеходов.

Тут Надиев совершенно ясно понял, что парень ведет его в такую сторону, где вообще нет никаких «командиров».

«Эге, — подумал он, нащупав за пазухой шероховатую рукоятку нагана, — вот так птичка с архангельским голоском и тульской винтовкой. Из нашей кухни жрет, а кому служит — неизвестно».

Незнакомец, словно читая мысли политрука, замедлил шаг. Он сделал быстрое движение, чтобы освободиться от котелков и снять винтовку...

Но Надиев опередил его, выхватив наган.

— Руки вверх! Говори, кто ты такой и что здесь делаешь?

Смертельная бледность покрыла лицо незнакомца. Он смотрел на черный кружок револьверного дула и не мог вымолвить ни слова.

Наконец дар речи вернулся к нему. Он заговорил торопливо, будто опасаясь, что его переубьют или не поверят.

— Я солдат... Только не вашей, а финской армии. Мой отец русский... Он бежал в восемнадцатом году за границу...

— Как ты сюда попал?

— С офицером...

— Где офицер?

— Вон там... на дереве... Сейчас он наблюдает, а ночью стреляет... Мы с ним живем в шалаше...

Надиев вспомнил почную бандитскую стрельбу... К утру находили около костров убитых и раненых товарищей.

— Идем в штаб! — приказал Надиев белогвардейцу.

— Не пойду... арестуйте офицера.

— Ладно! Об офицере вторая песня. Пошли!

— Без офицера в штаб не пойду.

— Я приказываю!

— Расстреливайте... Без офицера не пойду в штаб. Пусть он сам за себя перед начальниками вашими отвечает.

Упрямство пленного поставило Надиева в затруднительное положение. По рассказу белогвардейца и по двум котелкам он догадывался о присутствии в нашем тылу другого, более важного противника.

Желание схватить этого противника заслонило все остальные соображения. Надиев решил идти до конца.

— Отойди, парень, на десять шагов, — крикнул он негромко. — Поставь котелки на снег! Так! Снимай винтовку, клади рядом! Раздевай шинель! Давай

сюда шапку! Оружия больше нет? Выверни карманы! Хорошо.

Пока он переодевался в шинель пленного, отдав ему свою, тот рассказывал со всеми подробностями, как идти к дереву, на котором сидит офицер.

— Вы держитесь вон по тем следам, — говорил пленный, указывая за кусты, — станете подходить к большой елке, голову не поднимайте, не смотрите вверх. Офицер может вас узнать. Идите, немного согнувшись, и кашляйте. Главное — кашляйте. По кашлю он и узнает-то меня.

Надиев переоделся. Надвинул до самых глаз чужую шапку. Закинул за спину винтовку пленного и взял в руки два котелка со щами.

Пленный, точно для успокоения, сказал вслед:

— Не беспокойтесь за меня. Я вас буду ждать здесь, никуда не убегу. Даю честное слово.

«Ух ты, белая сволочь... Много ли у тебя осталось честных слов после того, как ты сделался продажной тварью?» — возмущенно подумал Надиев и вернулся. Он привязал двумя поясами белогвардейца к дереву и зашагал прочь.

Минутами сомнение было настолько сильно, что он представлял себе пленного, который теперь наверное задаст стрелкача в политруковской шинели... А там, куда Надиев идет, может быть, вовсе нет никакого офицера.

Но плана своего менять он не стал. Что-то подсказывало ему, что необходимо действовать быстро, решительно и не бояться риска.

Кустарник остался позади. Надиев идет среди высоких деревьев. Опустив голову, внимательно прислушивается к малейшим шорохам.

«Должно быть, здесь, — мелькает неуверенная мысль при виде низенького шалаша, — не попасть бы в какую западню...»

Он уже двигается механически, ноги становятся деревянными... Сердце бьется громко и часто.

Вдруг отчетливо слышит на самой верхушке дерева шорох. Человеческий голос тихо обlickает на финском языке. В ответ Надиев простудно кашляет и, согнувшись, влезает в шалаш.

Его трясет лихорадка. Это не страх. Это нетерпеливое желание как можно скорее раскрыть тайну, в которую он внезапно вовлечен.

Шорох на дереве повторяется. Человек, тихо бормоча финские слова, спускается по стволу вниз.

Забыв обо всем на свете, напряженно ждет его Надиев с наганом в руке. У самого входа в качестве безобидной приманки дымятся еще не остывшие котелки.

Офицер спустился на землю. Вот он медленно влезает в шалаш, плохо различая Надиева в полумраке. Надиев дает ему возможность войти и кричит сорвавшимся до хрипоты голосом:

— Ни с места, стреляю!

Только теперь он заметил, что это мужчина огромного роста, на целую голову выше его. Багровые от мороза ручищи белофинского стервятника могли бы без всякого оружия прикончить буйвола.

— Бери котелки! — скомандовал Надиев, чтобы хоть чем-нибудь занять эти багровые руки, готовые вцепиться ему в горло. — Живее! Одно лишнее движение — и я продырявлю тебе черепок!

Офицер нагнулся, косясь на дуло направленного в него нагана, и взял котелки.

— Вперед!

Они вышли из шалаша. Надиев мельком взглянул на дерево, с которого стрелял ночами белофинн. Там остались снайперская винтовка и запас патронов.

Офицер шел не оглядываясь. Он был чисто выбрит, в светлозеленой суконной куртке и желтова-

тых ватных брюках. Изредка подрагивал плечами, словно ожидая каждую секунду выстрела в спину, как это делал сам.

Солдат в политруковской шинели стоял на том же месте, где Надиев его оставил. Увидев солдата, офицер сгорбился, внезапно постарев. Шатко, непослушными ногами вошел он в штаб.

— Разрешите доложить, — подошел Надиев к комиссару полка, — мною взяты в плен офицер и солдат финской армии.

Старший политрук Шпичак осмотрел пленных.

— А где же солдат? — спросил он, подняв брови.

— Вот он, в моей шинели.

Присутствовавший при этом отсекр партбюро полка, ныне Герой Советского Союза Черников, засмеялся:

— Ну, молодец Надиев! Только как же это с шинелью-то у тебя вышло? . . . Хитрость?

— Военная хитрость, — подтвердил Надиев, улыбаясь.

СНАЙПЕРЫ

Батальону капитана Подставкаина было приказано обойти врага с левого фланга и ударить в тыл.

Перед операцией бойцы, командиры и политработники осмотрели и вычистили оружие, запаслись патронами, гранатами и продуктами.

Щуклин вышел из землянки. В небе клубилась пепельно-сизая дымка рассвета. Кругом стоял глухой, завьюженный снегом финский лес. Где-то далеко, пристреливаясь, была наша артиллерия, но здесь только потрескивал озерный лед, скованный сорокаградусным морозом.

«Хорошая погодка, — подумал Щуклин, вздохнув

полной грудью и расправляя после сна крепкие мускулы. — В мороз никакой жаркий бой не страшен. Сейчас отправимся к белофиннам в гости...»

Стрелял Шуклин и до службы в Красной армии неплохо. А в течение двух последующих лет готовился стать снайпером.

В снайперской команде он изучил оптический прицел, много тренировался на стрельбах. Его друг Олейников тоже стрелял отлично, и они постоянно соревновались.

Они работали над собой упорно и настойчиво. Перегоняя друг друга, радовались каждой новой удаче. И когда началась война с белофиннами, Шуклин и Олейников попали в один батальон.

— Ну, Шуклин, — сказал, подходя, Олейников, — береги оптический прицел. Кажется, нам предстоит серьезная работа.

— Посмотрим!

Разведка нащупала свободный проход, и батальон двинулся через линию фронта. Густые кроны вековых сосен закрывали небо. Под ногами хрустел и поскрипывал снег. Чуткое ухо боевого дозорного ловило каждый посторонний шорох, острый глаз разведчика искал в лесной чаще признаки вражеской жизни.

Шуклин и Олейников держались возле капитана Подставкаина. Снайперы обязаны в любой момент защитить своим метким огнем командира, если он подвергнется опасности.

Во второй половине дня батальон, углубившись в белофинский тыл, круто свернул направо. Вот здесь, неподалеку, находилась шоссе́йная дорога, по которой шло боевое питание.

Вскоре наша разведка вернулась, обстрелянная с деревьев.

— Шуклин и Олейников, — позвал капитан Подставкаин, — очистите путь для батальона! Пробирай-

тесь осторожно, не делайте переполоха раньше времени! Понятно?

— Все понятно, товарищ капитан, — дружно, в один голос, отозвались снайперы, — разрешите идти?

— Идите!

Шуклин и Олейников протерли стекла оптических прицелов, разошлись на десять шагов друг от друга в стороны и стали осторожно продвигаться вперед. Личная дружба снайперов, сработанность, взаимное понимание облегчали выполнение задачи.

Кивнув Олейникову, чтобы он продолжал ползти, Шуклин тем временем тщательно обследовал в оптический прицел впереди лежащую местность, особенно деревья, густые кроны их, покрытые снегом. Затем Олейников наблюдал, Шуклин полз. Так они, взаимодействуя и оберегая друг друга, приблизились к небольшому озеру.

Лежа в кустарнике, смотрели некоторое время на противоположный берег, шарили по верхушкам деревьев. Именно там должна быть «кукушка», обстреливавшая нашу разведку.

— Есть, — шепнул вдруг Олейников, не отрываясь от оптического прицела. — Вижу.

— Где? — спросил Шуклин тоже полушопотом.

— Прямо перед нами отдельное дерево... Фигура человека хорошо замаскирована, но виден черный ручной пулемет.

— Ага, — Шуклин тотчас заметил в оптический прицел шюцкоровца в белом халате на самой верхушке сосны.

Олейников, продолжая наблюдать, сказал:

— Шестьсот метров. Веди огонь!

Шуклин поставил дистанционную шкалу на шестьсот метров, прицелился и выстрелил.

— Ранил в ногу, — сообщил Олейников, — дернулся, как чорт, схватился за пьексу.

В это время раненый шюцкоровец открыл огонь по снайперам. У него были хорошо пристрелены различные точки. Пули зарывались в снег рядом с головой Шуклина.

Шуклин быстро и незаметно переменил место. Дал знак Олейникову:

— Веди огонь! — и стал наблюдать.

После выстрела Олейникова шюцкоровец выронил из рук пулемет, медленно отделился от дерева и полетел вниз. С веток поднялся белый столб снежной пыли.

Снайперы еще раз внимательно обследовали местность и, вернувшись, доложили капитану Подставкину:

— Путь свободен.

Батальон продолжал двигаться по намеченному маршруту. Впереди снова шла разведка. А Шуклин и Олейников опять заняли свои места возле командира.

Когда солнце скрывалось за лесом, разведка донесла, что обнаружен противник силой до батальона. Немедленно развернулись в боевой порядок. Шуклин и Олейников поместились на левом фланге, между станковыми пулеметами и капитаном Подставкинским.

Не доходя до шоссе, увидели в лесу группу белофиннов. Раздалась первые одиночные выстрелы. Шуклин стрелял, перебегая от дерева к дереву. Белофинны, рассыпавшись, отступали.

Наконец, за елками показалась и шоссе, дорога. Конный обоз и грузовики непрерывной лентой тянулись к фронту. У дороги стояли красный домик пункта боевого питания и длинный лабаз с плоской крышей, полный ящиков со снарядами. Белофинны в панике метались у красного домика, у обоза, стреляли из придорожной канавы.

Застрочили наши станковые пулеметы. Началась жаркая перестрелка.

— Шуклин, бейте по легковой машине! — приказал командир роты, старший лейтенант Шленский.

Изящная легковая машина с офицерами, мигуя обоз, мчалась к домику. Шуклин стрелял быстро и метко. Машина остановилась, шофер выпрыгнул из кабины и скрылся в лесу. Два офицера были убиты в кузове, третий открыл дверцу, пытаясь бежать, но свалился на подножку с простреленной головой.

В этот момент по станковым пулеметам начали стрелять «кукушки». Они с умыслом пропустили наступающий батальон и вели огонь в спину.

Старший лейтенант Шленский командовал:

— Снайперам бить по «кукушкам»!

Шуклин взглянул вверх, но никого не заметил. Снег плотно облегал макушки деревьев, а стрельба раздавалась повсюду, и не было возможности определить, откуда бьют «кукушки».

Вдруг Шуклин увидел младшего лейтенанта Колосова, подползавшего к дереву. Раненый, он продолжал стрелять из пистолета вверх. Бросившись к нему на помощь, Шуклин заметил на ветках шюцкоровца, стрелявшего из автомата.

Шуклин быстро приложился и нажал спуск. Шюцкоровец выронил автомат и повис на суку.

Сразу же открыли огонь с других деревьев по Шуклину. Он отполз назад и притаился за сваленным деревом. Отсюда различил на соседней елке вторую «кукушку». Елка была высокая, у самого лабаза, и на ней стоял во весь рост белофинн в серой куртке. Он стоял на мостике из досок и стрелял из ручного пулемета.

Шуклин сбил его первым выстрелом, и тот растянулся на досках, опустив одну ногу, словно хотел сорваться на землю.

Бой разгорался. Батальон капитана Подставкаина подвигался вперед, занимая дорогу и окружая пункт боевого питания. Отдельные красноармейцы уже

забирались на грузовики, с которых вели сокрушительный огонь.

Но Шуклин и Олейников еще никак не могли справиться с «скукушками». То там, то здесь раздавался треск автомата, и снайперы искали врага, стиснув зубы, сгорая от нетерпения покончить скорее с этой задержкой.

Вон на маленькой густой елке что-то шевельнулось. Шуклин немедленно взял на прицел. Выстрел, другой по подозрительной точке — и на землю летит фигура в белом халате.

Шуклин переползает немного ближе к дороге и видит Олейникова. Его друг, вывалявшись в снегу до того, что и брови стали белыми, палит из маленького окончика по елкам.

— Смотри, Шуклин, автоматчик задерживает перебежку, — крикнул он, показав на залегших у дороги красноармейцев, а сам выстрелил в другую сторону. С дерева, треща сучьями, полетел белофини.

«Здорово лунит, — подумал Шуклин. — Да еще мне показывает цель... по-приятельски!»

Он стал приближаться к залегшим в снегу бойцам, но автоматчик перенес огонь на него. Над головой запели пули. Шуклин спрятался за толстое дерево и осторожно выглянул. Да, на соседней елке ветер трепал полу белого халата.

Этого вполне достаточно снайперу. В следующую секунду грохнул выстрел. С елки упал в снег автомат. Потом стала медленно валиться белая фигура. Она была привязана веревкой поперек туловища и повисла вниз головой. Шюцкоровская шапка слетела, по ветру растрепались рыжие длинные волосы.

— Женщина! — вскрикнул кто-то удивленно.

— Молодец, Шуклин! — похвалил командир пулеметного взвода, видевший, как ловко была подрезана шюцкоровка.

Теперь Шуклин перебрался в придорожную канаву, откуда красноармейцы выбили врага. Всюду на снегу валялись трупы белофиннов. Но сопротивление еще продолжалось.

Несколько бойцов было ранено возле Шуклина автоматной очередью.

Красноармеец Галуза закричал:

— Глядите, с крыши бьет!

Действительно, на крыше лабаза лежал, постреливая, бандит.

В тот момент, когда Шуклин достал патрон и хотел прицелиться, пуля дзинькнула по его каске. Враг опередил Шуклина, но советская сталь защитила снайпера. Шуклин быстро подхватил сбитую каску, прицелился и выстрелил. Бандит выпустил из рук оружие и, перевернувшись, остался на крыше недвижим.

— Чистая работа, — сказал Олейников, прыгая в канаву.

Он все время внимательно наблюдал за вражеской позицией и вдруг крикнул:

— Пулемет на чердаке! Ударим его, стервеца, вместе!

Из маленького чердачного окошка в красном домике, окруженном нашими бойцами, гремел станковый пулемет. Шуклин и Олейников выстрелили почти одновременно. Пулемет затих.

Домик тотчас был занят красноармейцами. Из окна прыгнул офицер в расстегнутом мундире и без шапки. Он быстро помчался по придорожной канаве, пригнувшись от пуль. Голова его то ныряла за бугорком, то показывалась в другом месте.

Шуклин подождал, когда офицер выскочит из канавы, и уложил его метким выстрелом.

Все было кончено. Капитан Подставкин приказал запасться патронами, гранатами, а затем уничтожить обоз и склад.

Приказ был выполнен.

В это время младший командир Микулин, наблюдавший за подступами к пункту боевого питания, доложил, что с фронта движутся крупные силы противника.

— Что ж, мы их встретим, — спокойно отозвался капитан Подставкин, точно ожидавший этого, и приказал батальону занять оборону.

Наступила морозная ночь с крепким, пронизывающим до костей ветром. Свистела поземка. Звезды изредка показывались из-за туч.

С левого фланга ударила пулеметная очередь навстречу шюцкоровцам.

— Не стреляй по своим, бери левее! — загорланили по-русски белобандиты, надеясь обмануть бдительность пулеметчика.

Но голоса эти лишь помогли вернее нащупать в темноте цель.

Перестрелка продолжалась до глубокой ночи. Белофинны не раз шли в атаку с криками и ураганной стрельбой. Их подпускали на двадцать метров и угощали порцией гранат. Затем шквальный огонь пулеметов и винтовок гнал назад поредевшие цепи врага.

Между тем, капитан Подставкин успел подобрать всех своих раненых и оказать им помощь. Их отнесли в безопасное место, куда по приказанию командира стали отходить одно подразделение за другим. Наконец, с фронта незаметно снялись последние бойцы.

Батальон построился в том же порядке, как шел сюда. Раненых поместили в середине колонны. Двинулись обратно, в обход вражеских сил.

Враг с запозданием догадался об отходе батальона. Вслед были посланы шюцкоровские лыжники. Но батальон ловко сманеврировал, отвлек их при помощи снайперского огня на озеро, а сам ушел лесом.

Через пять дней капитан Подставкин с боями вывел батальон к своим передовым позициям. Он осмотрел простые, бесстрашные лица героев и улыбнулся.

— Спасибо, товарищи. Задача, поставленная командованием, выполнена.

И крепко, по-суворовски расцеловал стоявших перед ним Олейникова и Шуклина.

ПОДВИГ ЧЕРНЫШЕВА

Овладев левым берегом реки Вуоксы, части Красной армии готовились к стремительному броску через лед на другую сторону.

Но там, по данным разведки, были превосходящие силы противника. Хорошо замаскированные дзоты били по льду шквальным огнем.

7 марта началось большое наступление. Артиллерия, установленная на высоте NN, открыла огонь. Правый берег задымился, полетели щепы от развороченных деревьев.

Политрук Надиев поддерживал огнем своих пулеметов наступающую пехоту. Против него, на середине реки, в восьмидесяти метрах от противника возвышался маленький островок. Надиев приказал передвинуть один пулемет вперед, на реку.

Старшина Чернышев ухватил санки с пулеметом и бегом достиг островка. Белофинны стреляли в него ожесточенно, но не попали. Забаррикадовавшись камнями, Чернышев повел с островка жестокий огонь по вражеским позициям. Он лежал впереди своей пехоты почти на триста метров и значительно облегчал наступление.

Белофинны озверели. Дерзость одинокого пулеметчика взбесила их. Они поперли на него в атаку.

С криком, с дикими воплями выскочили из леса на лед.

Чернышев подпустил их на пятьдесят метров и расстрелял в упор. Остатки шюцкоровцев кинулись обратно в лес. Через некоторое время появилась вторая группа белофиннов. Они бежали на лыжах без палок, стреляя из автоматов. Чернышев и этих встретил метким огнем. Лед вокруг острова чернел трупами врагов.

Когда наша пехота уже достигла под прикрытием пулемета Чернышева острова, пулемет героя внезапно затих. Шюцкоровская пуля, пролетев через отверстие в щите, сразила отважного старшину насмерть.

Бойцов охватила ярость против врага.

— Будем драться все, как наш товарищ Чернышев! — кричали они, идя в атаку.

— Отометим за старшину!

— Вперед!

Атака была сокрушительной. Взяли восемь дзотов, два орудия, миномет и множество разного вооружения и боеприпасов.

Старшине Чернышеву, за смелый и самоотверженный подвиг, после смерти, было присвоено звание Героя Советского Союза.

ПУЛЕМЕТЧИКИ

Перейдя замерзшую речку, наши части с боем взяли одну высоту.

Здесь было приказано закрепиться. Патроны кончались. С часу на час ждали обоз.

Ночь выдалась на редкость лунная, а белофинны еще пускали осветительные ракеты, и потому наша пехота окапывалась на виду у врага.

— Экономить патроны, ребята, — сказал младший

командир Ситников наводчикам, — лучше целиться и стрелять только на верняка.

Впереди занятой высоты торчали гранитные надолбы и ряды проволочных заграждений. Ситников следил за вспышками выстрелов, определяя местонахождение вражеских пулеметов и давая указания своим наводчикам. Так заставляли умолкать то одну, то другую огневую точку.

Но патронов становилось все меньше. Стрелять приходилось уже не всем пулеметам одновременно, а по очереди... Иногда делали паузы.

Белофинны догадывались о нашем положении.

Стрельба с их стороны усиливалась с каждой минутой.

«Долго на этом запасе патронов мы не продержимся, — подумал Ситников, — шюцкоровцы еще, пожалуй, перейдут в атаку».

И тут он вспомнил, что на правом фланге в предыдущие дни шел бой и враг отступил, оставив на месте своих разгромленных позиций много боеприпасов.

— Товарищ лейтенант, — обратился Ситников к командиру части, — разрешите сходить за патронами?

Лейтенант, ознакомившись с планом пулеметчика, согласился.

— Попробуйте.

Тогда Ситников скомандовал:

— Бойцы Дмитриев и Пасохин, захватите с собой санки для поклажи. Каждому иметь наган, кинжал и пять штук гранат. Тронулись!

Они спустились тихонько с высоты к самому проволочному заграждению. Пробирались осторожно, укрываясь за гранитными надолбами, за деревьями и бугорками.

Пройдя около двух километров, остановились.

— Должно быть, все уже подобрано.

Лежали на снегу, всматриваясь за проволоку в сторону врага.

Неожиданно долетел какой-то звук, и Ситников тотчас заметил черную точку.

Не сговариваясь, пулеметчики осторожно перебираются через проволоку. Идут ближе к черной точке. Снова слышится звук. Это под землей. Здесь находится белофинский дзот.

Пулеметчики остановились у двух пулеметных амбразур. Ситников тихо командует:

— Бросай гранаты в окна!

Три гранаты одновременно полетели в подземелье. Лежа в снегу, пулеметчики слышат сильные взрывы. Вдруг из двери дзота вылез белофинн.

Боец Пасохин прыгнул к нему и прикончил его кинжалом.

Подождали минуты две. Не вылезет ли еще кто-нибудь? Нет, кругом стояла полная тишина.

Осторожно пробрались внутрь дзота. Там лежали двое убитых белофиннов у станкового пулемета.

— Славная добыча, — подмигнул Ситников товарищам.

Пулемет взяли на плечи. На санки уложили двенадцать коробок с пулеметными лентами. И вернулись на свою высоту.

Быстро установили белофинский пулемет и открыли огонь. Добытыми патронами снарядили и собственные ленты. Заговорили опять все «максимы».

До рассвета стреляли отнятыми у врага патронами. А когда прибыл наш обоз с боеприпасами, части Красной армии победоносно двинулись вперед.

ЛМ-3238

32

43-758/4
25 коп.

Л30 $\frac{E-2}{377a}$

СОДЕРЖАНИЕ

	стр.
Военная хитрость	3
Снайперы	8
Подвиг Чернышева	16
Пулеметчики	17

2044
СР18

· 8226-MA
Ответственный редактор А. Семенов

Написано к печати 1/VIII-41 г. СП-49 Л. М 71306. Тираж 20.000. Печ. лист. 5/8
Уч.-изд. л. 0,71. Заказ 4223. 2-я тип. Трансжелдориздата.